

ДЕТСТВО

Главы из воспоминаний

Опубликовано в журнале: "Новый Мир" 1993, №8

Публикация Н. С. Соловьевой.

Подготовка текста и примечания А. М. Кузнецова

Оригинал здесь: [Библиотека Якова Кротова](#).

НАШ ДОМ

Я начинаю себя помнить в небольшом, белом, двухэтажном доме в тихом Штатном переулке между Пречистенкой и Остоженкой. Квартира помещалась во втором этаже: за гостиной, служившей также и столовой, была спальня моих родителей и кабинет отца. Прямо из передней темный коридор вел в кухню, и из коридора была дверь в мою детскую и смежную с ней девичью. Окно этих комнат выходило на двор. Я больше пребывал в детской и девичьей. Из кабинета иногда выходил маленький худой человек, и я знал, что это -- мой отец. По вечерам он брал меня в кабинет и, выдвигая ящики стола, показывал мне разные вещи. На стене у него висела карта Палестины. Когда мне было года четыре, отец капнул сургучом на некоторые палестинские города -- Иерусалим, Вифлеем, Дамаск -- и показывал гостям фокус, заставляя меня находить эти города с закрытыми глазами.

К отцу меня тянуло больше, чем к матери, впрочем, всему предпочитал я девичью и кухню. В матери я чувствовал что-то напряженное и тревожное. Она вставала раньше отца, который страдал бессонницами. Бывало, утром мать одна сидит за самоваром, перед корзиной с витым хлебом: молчит и задумчиво смотрит перед собой темным, тяжелым взглядом. Мне с ней не по себе: она рано стала давать мне суровые уроки, которые повлияли на мой характер. Но об этом дальше.

Лет с четырех отец после обеда давал мне уроки священной истории. Он приносил за чайный стол картинку, клал ее обратной стороной, рассказывал ветхозаветное или евангельское событие и, возбудив интерес, открывал картинку. Чудные то были картинки. Одежды там были ярко-алые и темно-синие, деревья зеленые и голубые, тела нежно-белые и шоколадные. Помню маститых первосвященников с серебристыми бородами, Илию в рогатой митре, положившего руку на голову мальчику Самуилу. Помню радость, которую я испытывал, переходя от Ветхого Завета к Новому: все становилось нежней, воздушней, серебристой. Очень я любил эти уроки.

Мать моя в то время писала большие иконы из евангельской жизни для одного тамбовского храма, и гостиную наполняли благоухающие свежими красками доски, на которых моя мать манерой старых итальянских мастеров изображала Воскрешение Лазаря и Тайную вечерю. Вместе с няней мы рассматривали две толстые книги из отцовской библиотеки: суровую немецкую Библию в темно-коричневом переплете, где мало было картинок (запомнились мне: дух, носящийся в виде старца над бездной, среди бурь и хаоса; заклание Авраамом Исаака, огненный дождь над Содомом и Гоморрой), и бархатное французское Евангелие, где каждая страница была обвита орнаментами с изображениями зверей, цветов и плодов, а некоторые страницы потемнели от пролитых духов и сладостно благоухали.

Первый приход в дом священников наполнил меня ужасом. Они так загремели "Во Иордане", что я поспешил спрятаться. Крещение вообще особенно волновало меня, и по ночам мне казалось, что я вспоминаю, как меня крестили: я ощущал холод студеных вод и видел какую-то белизну. Во время прогулок церкви поглощали все мое внимание. Особенно я любил круглые иконы под куполами, изображавшие апостолов и московских святителей с белыми посохами, например, у Воскресенья на Остоженке и около Зоологического сада.

Жизнь текла тихо и однообразно. Мы с няней прогуливались по переулку, иногда встречали мою первую подругу Лилию Гиацинтову, которая была на два года моложе меня и казалась мне символом